
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Архипова

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ И НКО: МАНИПУЛЯЦИЯ УСПЕХОМ И ДОСТИЖЕНИЯМИ

В данной статье представлены результаты дискурс-анализа властной и публичной риторики, сопровождающей современные процессы трансформации социального государства. Исследования последних лет свидетельствуют о слабой информированности граждан о происходящих изменениях и сохраняющемся недоверии к ключевым субъектам социальной политики, особенно к новым, негосударственным поставщикам социальных услуг. В фокусе внимания находятся официальные выступления и интервью представителей министерства труда и социальной защиты, главы государства, представителей правительства и региональных министерств, а также руководителей НКО. Эмпирическую базу исследования составили 65 источников (стенограммы выступлений и журналистские статьи). Базируясь на идеях критического дискурс-анализа, а именно концепции Т. Ван Дейка, сделан акцент на том, как формируют дискурс ведомственные структуры, какие инструменты манипуляции используются для сохранения доминирующей позиции, а также как некоммерческий сектор отстаивает свое право на активное участие в реализации социальной политики. По итогам исследования сделан вывод, что основной дискурсивной стратегией власти и НКО является стратегия самопрезентации, цель которой заключается в формировании положительного имиджа в ситуации необходимости оправдания общественных ожиданий. Результаты показали, что информационное поле вокруг процессов трансформации социального

Елена Борисовна Архипова – к.социол.н., доцент, кафедра социальной работы, Уральский федеральный университет, Екатеринбург; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: e.b.arkhipova@urfu.ru

государства с обеих сторон характеризуется стремлением к манипулированию, чрезмерному демонстрированию успехов, а не желанием комплексно представлять ситуацию в сфере социальных услуг с точки зрения критериев объективности, непредвзятости, авторитетности и правдивости. Существующий дискурс власти и НКО не способствует формированию институционального доверия к различным государственным и общественным структурам, ответственным за решение социальных проблем российского общества, и требует существенной корректировки.

Ключевые слова: социальные услуги, власть, НКО, дискурсивные стратегии, манипуляция

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-3-399-414

В современном российском медиапространстве все чаще стала подниматься и обсуждаться проблематика, связанная с предоставлением социальных услуг. Этому способствовал ряд факторов: от реформирования самой системы социального обслуживания и появления новых форм предоставления услуг до социальных последствий пандемии *COVID-19*, которая подчеркнула значимость различных субъектов, оказывающих услуги лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Однако, несмотря на возросший общественный интерес, исследования последних лет свидетельствуют о недостаточно высоком уровне доверия россиян к негосударственным поставщикам социальных услуг, особенно к коммерческим организациям, и слабой информированности граждан о происходящих изменениях (Старшинова и др. 2022; Мерсиянова, Корнеева 2017). Самые серьезные провалы отмечаются в продвижении некоммерческих организаций как новых поставщиков социальных услуг с последующей их легитимацией (Ярская-Смирнова, Бодрова 2021) даже несмотря на высокий уровень их представленности в современном медиапространстве (Бабинцев, Пшеничная 2021).

Очевидно, что официальная ведомственная и публичная риторика либо не справляются с поставленными задачами по формированию благоприятного общественного мнения, либо не ставят перед собой соответствующих задач. Пробелы в формировании адекватной легитимации происходящих изменений замедляют процессы трансформации социального обслуживания населения. Современный российский официальный и публичный дискурс, связанный с различными аспектами реализации социальной политики, характеризуется фрагментарностью и несистемностью. В результате граждане находятся в ситуации, которая характеризуется одновременно избыточностью и ограниченностью поступающей к ним информации. Исследователи отмечают, что следствием этого может стать выражение доверия тем институтам и процессам, которые его не заслуживают, с параллельным недоверием тем, кто этого достоин, что в свою очередь может привести к ощущению социальной несправедливости

(Михеев 2017). Подобная ситуация вынуждает основных субъектов социальной политики увеличивать свою представленность в медиапространстве, в том числе и в сети Интернет, которая становится основной дискурсивной площадкой, где формируются паттерны отношения граждан, сообществ и систем к социальной реальности за счет фреймирования социальной проблематики в публичной повестке дня (Рябченко и др. 2020).

Любой дискурс создается преследуя определенные цели, и манипулятивный аспект в нем занимает центральное место. Властная риторика априори стремится к доминированию, демонстрирует прагматизм и «политкорректность» высказываний (Ясавеев 2016а; 2016b), а дискурсивные практики представителей некоммерческого сектора отличаются эмоциональностью, субъективностью (Ясавеев 2019) и определенной долей провокационности (Шмидт 2016). Эти различия определяют лейтмотивы, смыслы и структуру современного риторического пространства, посвященного функционированию социальных услуг в России, и делают данное направление актуальным для исследований.

Однако несмотря на интерес к изучению дискурса социальных проблем, чаще всего предметом анализа становятся отдельные дискурсивные практики. Например, приемное родительство (Ярская-Смирнова и др. 2015), системы психоневрологических интернатов (ПНИ) (Руднева 2021), потребление наркотиков (Ясавеев 2016а), молодежная политика (Майборода и др. 2021), социальное предпринимательство (Архипова, Старшинова 2021). Вопросы системного развития и позиционирования основных субъектов сферы социальных услуг зачастую остаются за пределами научного анализа.

Отсюда цель данного исследования – проанализировать ведомственный и публичный дискурс, сопровождающий современные процессы создания социально-сервисного государства, что позволит глубже понять роль органов власти и НКО в формировании общественных ожиданий от происходящих изменений. А именно – выделить формальные структуры существующей риторики, а также лейтмотивы и смыслы транслируемой информации, которая формирует доверие/недоверие граждан, бизнеса, некоммерческого сектора к новой конфигурации системы социальных услуг, способствует (не)развитию новых форм социального обслуживания. В качестве основной гипотезы выдвинуто предположение, что несмотря на различные цели, дискурсивные стратегии власти и сектора НКО как нового активного субъекта в системе социального обслуживания населения характеризуются равной степенью манипулятивности и стремлением к излишней демонстрации собственных успехов и достижений.

Методология исследования и эмпирическая база

В исследовательской практике существует несколько направлений дискурса анализа, которые делают акценты на различных аспектах анализа

дискурса: лингвистический, социоконструктивистский, постструктуралистский, критический, дискурсивная психология и т.д. (Ирхин 2014). Лингвистическое направление концентрирует свое внимание преимущественно на тексте как лингвистической единице, структуре текста, типе текста, роли, которую каждый элемент играет в его структуре (Harris 1952). Дискурсивная психология фокусируется на том, как личности конструируют внешний и внутренний мир, осмысливают жизненный опыт (Potter, Wetherell 1987). Социологический конструктивизм делает акцент на изучении дискурсивного процесса возникновения социальных проблем в обществе за счет деятельности различных групп, которые выдвигают свои утверждения-требования на публичных аренах (Spector, Kitsuse 1977). Критический дискурс анализ рассматривает дискурс как набор социальных практик и их интерпретаций, которые отдельные социальные группы используют, чтобы легитимировать и/или сохранить свое господство (Fairclough 1995; Van Dijk 2003a). Постструктуралистская теория дискурса, разработанная Э. Лакло и Ш. Муфф, развивается в рамках современной французской философии и определяет дискурс как набор значений и смыслов, которые приписываются социальным объектам/ценностям/практикам в процесс формирования идентичностей (Laclau, Mouffe 2001).

Для анализа современного дискурса, посвященного процессам трансформации сферы социального обслуживания, из всего многообразия дискурсивных подходов выбран критический дискурс-анализ (КДА), в частности концепция Т. Ван Дейка (Van Dijk 2003a; 2003b; 2006a; 2006b), с акцентом на проблемах расизма и этнического неравенства, на властные структуры, идеологию и то, каким образом формируется доминирующий дискурс власти, какие инструменты используются для сохранения доминирующей позиции и изменения представлений аудитории о реальности. Согласно Ван Дейку, существует два основных типа когнитивных стратегий дискурса: негативная репрезентация и положительная самопрезентация, которые конкретизируются посредством нескольких речевых стратегий.

Негативная репрезентация включает в себя расширение и сверхобобщение (Van Dijk 1984: 129). Расширение – это перенос отрицательного характера опыта в одной когнитивной области на опыт в другой с возможным объединением отрицательных моделей за счет атрибуции, то есть приписывания социальному объекту чуждых качеств и характеристик. Сверхобобщение – уклонение от прямого ответа, обобщение темы разговора или демонстрация того факта, что информация подкреплена общественным мнением, с целью повышения достоверности отрицательной информации.

Стратегии положительной самопрезентации нацелены на создание положительного образа субъекта у широких масс и формирование доверия. В большинстве случаев это связано с намерением уклониться от невыгодной для субъекта информации, перенести ответственность на другое лицо или с желанием сокрыть факты, которые выставляют автора в невыгодном свете. Сами же риторические стратегии могут проявляться в приведении примеров,

повторах, демонстрации уступки, смягчения, усиления, контрасте, использовании косвенных речевых актов (Van Dijk 1984: 130–132).

Указанные выше когнитивные стратегии возможно выделить на основе анализа трех уровней медиатекстов (Van Dijk, Kintsch 1983): 1) суперструктуры (тематическая составляющая, коммуникативная цель адресанта, образ адресата и адресанта, речевые акты); 2) макроструктуры (структура текста, используемые лексемы-маркеры, отражающие тематический репертуар дискурса); 3) микроструктуры (интенции автора, значение слов и предложений, ментальная модель, стиль текста).

Эмпирическую базу исследования составили 65 источников, размещенных в сети Интернет за 2020–2022 гг., которые включали в себя: стенограммы публичных выступлений и совещаний главы государства, правительства, представителей министерства труда и социальной защиты и региональных министерств, а также журналистские статьи из ведущих изданий, в которых приводились их прямые цитаты; публичные интервью с руководителями российских НКО, опубликованные на различных онлайн ресурсах, таких как Агентство социальной информации, Коммерсант и др. Для анализа отбирались интервью с представителями крупнейших некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность на федеральном или региональном уровне, которые имеют влияние на медиaproстранство. Например, БОО «Перспективы», Фонд Альцрус, РОД «Петербургские родители», БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам», БФ Елены и Геннадия Тимченко, ООО «Доступный город», Всероссийская организация родителей детей-инвалидов, БФ «Старость в радость» и др.

По своей структуре медиатексты из СМИ и стенограммы публичных выступлений отличаются. Тексты СМИ являются стандартными, включают в себя заголовки, описание событий, комментарии к ним, мнения экспертов и определенные выводы по представленной информации. Стенограммы официальных выступлений и совещаний лишены такой структуры, поэтому не все элементы текста, выделенные Ван Дейком, можно проанализировать применительно к ним. С другой стороны, они содержат полную речь каждого фигуранта, а не отдельные цитаты, представленные в журналистских статьях.

Отобранные источники позволяют проанализировать федеральную и региональную ведомственную риторику, а также сравнить ее с публичным дискурсом представителей некоммерческого сектора.

Дискурс-анализ властной и публичной риторики, посвященной сфере социальных услуг: уровень суперструктур

Наша главная задача – проанализировать как властные структуры обосновывают в медиадискурсе и доносят до широких кругов общественности

цели, задачи и результаты проводимых в последние годы кардинальных изменений в социальной политике.

Риторические суперструктуры ведомственного дискурса в большей мере связаны с вопросами занятости и безработицы, что характеризует приоритеты государственной политики. Кроме того, в течение 2021–2022 гг. неоднократно на региональном и федеральном уровне обсуждалось социальное казначейство, социальный контракт, создание сферы долговременного ухода за пожилыми и инфраструктуры для активного долголетия. Однако на данный момент, медиадискурс, рассчитанный на широкого читателя, недостаточно насыщен информацией о планируемых нововведениях, большая часть информации представлена в официальных источниках.

Если говорить о тематике третьего сектора, то развитие НКО, как новых поставщиков социальных услуг, в меньшей степени представлено во властном дискурсе, акцент в нем ставился больше на системные преобразования социального обслуживания в целом и на реструктуризацию государственных учреждений в частности. А вот представители НКО, наоборот, активно обсуждали проблемы, отмечали негибкость государственного финансирования некоммерческого сектора, наличие барьеров для вхождения в реестр поставщиков услуг и нахождения в них, сложности в партнерстве с государством. По мнению руководителей НКО, для того чтобы строить социальную политику будущего, нужно, чтобы представители всех секторов и институтов развития одинаково видели картину, чего на данный момент практически не прослеживается в дискурсе. Хотя периодически представители ведомств вербализуют необходимость налаживания конструктивного диалога между властью и НКО в части обсуждения новых законопроектов. Например, в 2021 г. данный тезис звучал в контексте реформирования системы ПНИ и внедрения распределенной опеки.

Коммуникативная цель официальных выступлений представителей профильных министерств – это детальное информирование о положительных достижениях. Проблемные моменты упоминаются в абстрактных понятиях и вскользь, что свидетельствует об определенной манипуляционной составляющей дискурса. Например, относительно упомянутой выше реформе ПНИ и роли НКО:

... нам требуется изменение действующего законодательства. *В министерстве об этих новациях знают, коллеги*¹ в рабочем порядке *отрабатывают* (конкретная демонстрация деятельности министерства). *Думаю, нам с НКО предстоит серьезная работа...* Стандартным набором инструментов нам *не обойтись* – *нужно живое общение и обсуждение документов* (абстрактная информация о том, как будет происходить взаимодействие с НКО) (Агентство социальной информации 2020).

¹ Здесь и далее курсив автора для выделения ключевых слов, важных для анализа.

Отсюда вырисовывается образ представителей властных структур как экспертов, специалистов, которые в текущей деятельности эффективно выполняют свои обязанности. С учетом экспертной роли выстраивается и логика текстов, и та лексика, которая используется. Исходя из речевых целей и тематики публикаций, в большинстве случаев они рассчитаны на профессиональную аудиторию, на коллег, на представителей вышестоящих организаций, нежели на широкую целевую аудиторию.

Коммуникативная цель дискурса представителей НКО – демонстрация возможностей некоммерческих организаций, которые часто являются уникальными, не имеющими аналогов среди государственных учреждений. Мы видим, что, по сути, цели дискурса двух секторов схожи и ориентированы на формирование собственного благоприятного имиджа в публичном пространстве. Однако инструменты достижения данных целей у власти и НКО различны.

Макро- и микроструктуры дискурсивных стратегий власти и НКО

Анализ макроструктур медиатекстов показывает, что в ведомственной риторике и риторике НКО активно используется когнитивная стратегия самопрезентации. Акцентирование успешности проводимых преобразований со стороны государства осуществляется за счет привлечения внимания к цифрам и положительным оценкам, структурирования информации, игнорирования проблем и трудностей. Выявленные лексемы-маркеры, описывающие деятельность министерства, преследуют цель усиления достижений:

Подведомственные организации, а также региональные органы соцзащиты *нацелены* на учет жизненной ситуации гражданина (Совет Федерации 2022). Мы идем *более высокими темпами*, чем планировали изначально (ТАСС 2021). *Подняли* планку оценки нуждаемости на полтора прожиточных минимума, так *смогли увеличить* размер оказываемой адресной социальной помощи. На это было выделено 250 млн рублей. *Увеличилось* пособие на содержание детей в приемных семьях до пяти тысяч рублей (Официальный портал Правительства Ростовской области 2020). Путь будет сложный, но цель мы *достигнем* (Выберу 2020).

То есть активно используются глагольные формы, характеризующие динамику, прогресс: улучшать, поднять, увеличить, превышать, достигать и т.п. Для большего усиления используются сравнительные прилагательные формы. Подобная позиция встречает определенную критику.

Судя по *излишне бодрым* заявлениям министра, установка на позитив нуждается в *более адекватном прогнозе* ... мы *вновь* скоро услышим о *фантастическом* росте зарплат и доходов в 0,75%, *очередном* ускорении экономики и *удивительных технологиях*, которые выведут промышленность на долгожданное *первое место в мире* (Выберу 2020).

Использование прилагательных, подчеркивающих неправдоподобность заявлений, играет роль усиления упрека ведомства в очередном преувеличении достижений, местоимение «МЫ» свидетельствует также и о контекстуальном контрасте с официальной позицией.

Подобное противопоставление МЫ-ОНИ, НАШИ-ИХ регулярно встречается в лексемах, характерных для представителей некоммерческого сектора, что еще раз подтверждает отсутствие консенсуса в видении новой идеологии предоставления социальных услуг.

Мы и наши коллеги не раз с этим вопросом обращались в федеральные министерства, но нигде не продвинулись ... Мы понимаем, что государство не всегда может оказать помощь всем нуждающимся. Например, государство до сих пор не придумало систему, в которой дети, оставшиеся без родителей и попавшие в больницу, могли бы во всей стране получать сопровождение няни. Такой услуги у государства просто нет. И эту услугу оказывают в разных регионах некоммерческие организации (Коммерсант 2021).

Наличие подобных структур в тематическом репертуаре дискурса НКО контрастирует с ведомственной риторикой. Представители власти более «осторожны» в вербализации проблем, связанных со взаимодействием с некоммерческим сектором, и меньше используют контраст в отношении НКО как поставщиков социальных услуг, предпочитая смягчение с целью блокирования отрицательных выводов.

В то же время для некоммерческого сектора применение контраста – это один из инструментов манипулирования общественным мнением, способ демонстрации своего вклада в решение социальных проблем. Поскольку НКО не являются доминирующим сегментом сферы социального обслуживания и часто проигрывают в конкуренции с государственными учреждениями (Григорьева и др. 2019), то они выстраивают свою самопрезентацию за счет отстройки/контраста с государством и его провалов.

Используемые риторические стратегии подкрепляются семантическими элементами на микроуровне текста, которые имеют огромное значение для формирования общих представлений. Интенции спикера всегда нацелены на подталкивание к определенной субъективной интерпретации (ментальной модели). И это всегда манипулятивный процесс за счет использования определенных семантических элементов и структур.

Заслуживают внимания слоганы в речи представителей профильных министерств. Официальные медиатексты имеют общую основу, ментальную модель, последовательно транслирующую нужную информацию:

Проект ... направлен на выявление малоимущих семей с детьми для последующего ... заключения социального контракта как эффективного инструмента борьбы с бедностью (Вести Приморье 2022). Социальные контракты действительно крайне важны. Но они должны быть не просто новым видом помощи бедным, а инструментом вывода из бедности (Государственная Дума 2020).

Наличие схожих фраз является показателем концептуально оформленных идей по данному вопросу, которые за счет повторения в медиапространстве претендуют на абсолютность и являются манипулятивной идеологической составляющей дискурса ведомственной риторики.

Ключевая импликатура (смысл) выступлений представителей министерств и органов управления – «социальная поддержка граждан является одним из приоритетных направлений внутренней политики РФ». Основной способ усиления данной импликации – это использование статистической информации как в контексте презентации уже проделанной работы, так и в контексте стратегических планов развития отрасли. Отсутствие цифр в выступлениях представителей министерств – это скорее исключение, чем правило.

В целом, когда мы смотрим на всю систему, мы оцениваем, что она будет *охватывать более 10 млн детей*, воспитывающихся в семьях, испытывающих определенные сложности, финансовые сложности в том числе. Общий объем расходов на эту систему в год *будет составлять 1,2 трлн рублей* (Известия 2020). На меры социальной поддержки в 2020 году в бюджете края *предусмотрено около 18,2 млрд руб., в том числе краевых средств – 10,1 млрд руб., что на 900 млн больше, чем в 2019 году* (Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края 2020). В 2020 году, когда случилась коронавирусная эпопея, Президентом и федеральным правительством был сделан акцент на поддержку семей с детьми <...> Всего мы *перечислили 400 миллионов рублей, поддержке получили 78 тысяч семей* (Новый день 2020).

Ключевые импликации выступлений представителей третьего сектора – «НКО может оказывать социальные услуги на высоком уровне» и «государство недостаточно поддерживает некоммерческий сектор». Основной способ усиления первой импликации – сторителлинг (содержательная иллюстрация историй успеха как пример для усиления доверия к словам говорящего), а второй – локальная связность, специфичность и полнота сообщений. Для усиления самопрезентации приводится детальное описание негативных примеров и последствий для НКО от неравных условий финансирования, а также акцентирование на субъективной включенности некоммерческих организаций в проблемы клиентов.

Мы, как бедные родственники, ждем милостыни от государства, хотя просим не подачку, а оплату за сделанную профессиональную работу. Выходит, нет равной конкуренции между третьим сектором и государственными учреждениями <...> Мы подали документы на софинансирование нашей уже работающей программы <...> то есть мы на нее уже тратили деньги, но не знали, получим ли это софинансирование (Коммерсант 2021).

Во всех общественных организациях есть руководитель, который не понаслышке знает социальную проблему и хочет изменить что-то в этой жизни, для того чтобы другим таким же людям было комфортнее и легче жить... НКО приносят в социально ориентированные проекты

очень личностный смысл, поэтому они сильнее затрагивают душу и жизнь общества (БелПресса 2022).

Таким образом, если смотреть на полученные результаты на всех уровнях медиатекстов, то прослеживается общая когнитивная стратегия дискурса в ведомственной и публичной риторике – стратегия самопрезентации. Не смотря на тот факт, что для ее реализации используются различные риторические приемы и семантические элементы, власть и НКО преследуют схожую цель манипулирования производимыми мозаичными адресантов текста в первую очередь за счет демонстрации собственных достоинств и преимуществ, спроецированных в область речевого взаимодействия.

Заключение

Анализ официальных выступлений и интервью представителей власти и НКО, стенограмм заседаний профильных министерств и органов исполнительной власти позволяет сделать вывод о том, что из всех дискурсивных стратегий, согласно Ван Дейку, указанными субъектами наиболее активно используется стратегия самопрезентации. Ее когнитивные цели, с одной стороны, заключаются в целенаправленном формировании положительного общественного мнения, с другой – в стремлении обойти негативные ситуации, в попытках оправдать и подтвердить ожидания. На практике это сводится к дискурсивному манипулированию, демонстрированию успехов и достижений в ущерб объективности, непредвзятости, правдивости и полноты информации.

Манипулятивные приемы ведомственной риторики – это привлечение внимания к цифрам и показателям успешного выполнения поставленных задач, последовательное использование глагольных форм, штампов/клишированных фраз/слоганов. Несмотря на различные форматы и уровни властного дискурса в отношении сферы социальных услуг, его риторический репертуар и приемы отличаются отсутствием противоречий, повторяемостью и согласованностью. Представители некоммерческого сектора в большей мере склонны использовать приемы усиления и контраста как следствие их слабей, на данный момент, встроенности в архитектуру социального государства, оторванности от механизмов финансирования и ряда других причин. В силу своего недоминирующего положения НКО еще больше заинтересованы в демонстрировании собственных достижений. Даже если они и будут проигрывать в масштабе и размахе произведенного социального эффекта, то усиление будет достигаться за счет детализации произведенных качественных изменений на локальном уровне и максимальной клиентоориентированности.

По итогу доминирующий дискурс власти относительно кардинальных изменений в социальной политике чрезмерно позитивен, что вызвано стремлением поддержания общественного порядка. На контрасте с ним

дискурс НКО более критичен в отношении проводимых инноваций, представители некоммерческих организаций стараются привлекать внимание к существующим проблемам, расширяя тем самым официальные импликатуры, транслируемые в массы. Вместе с тем риторические стратегии обеих сторон не достигают своей ключевой цели – легитимации происходящих изменений в сфере социальных услуг. Избыточное доминирование в дискурсе исключительно успешных кейсов и достижений ограничивает спектр информации и может вызвать противоположную реакцию со стороны ее адресатов.

На наш взгляд, результаты исследования свидетельствуют о необходимости корректировки дискурсивных стратегий ключевых акторов социальной политики в сторону их большей критичности, информативности, объективности и системности с целью формирования устойчивого институционального доверия к различным государственным и общественным структурам, ответственным за решение социальных проблем российского общества.

Выражение признательности

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 19–18–00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемый в СПбГУ.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

Агентство социальной информации (2020) *Министр труда Антон Котяков о реформе ПНИ: «Нам с НКО нужно живое общение и обсуждение документов»*. Доступно по ссылке: <https://asi.org.ru/news/2020/02/12/reforma-pni-obsuzhdenie/> (дата обращения: 2 сентября 2022).

БелПресса (2022) *НКО могут работать не глобально, но они улучшают качество жизни людей*. Доступно по ссылке: <https://www.belpressa.ru/society/socialnaya-sfera/41938.html#> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Вести Приморье (2022) *Минтруд Приморья и Почта России планируют реализовать новые проекты*. Доступно по ссылке: <https://vestiprim.ru/news/ptrnews/124930-mintrud-primorja-i-pochta-rossii-planirujut-realizovat-novye-proekty.html> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Выберу (2020) *«Не лезь поперек батьки в пекло». В Госдуме раскритиковали Минтруд за обещания снизить бедность*. Доступно по ссылке: <https://www.vbr.ru/banki/novosti/2020/05/19/prk-kotyakov-obeshaet/> (дата обращения: 2 января 2022).

Государственная Дума (2020) *Депутаты обсудили с профильным министром соцконтракт и безработицу*. Доступно по ссылке: <http://duma.gov.ru/news/49694/> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Известия (2022) *Глава Минтруда рассказал о поддержке более 10 млн детей в России*. Доступно по ссылке: <https://iz.ru/1329976/2022-05-04/glava-mintruda-rasskazal-o-podderzhke-bolee-10-mln-detei-v-rossii> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Коммерсант (2021) *«НКО находятся в зоне особого недоверия государства». Почему некоммерческим организациям все труднее работать в России*. Доступно по ссылке: <https://www.kommersant.ru/doc/4710003> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края (2020) *Интервью министра труда и социальной защиты населения Ставропольского края И. И. Ульянченко газете «Комсомольская правда*. Доступно по ссылке: https://minsoc26.ru/social/info/vistupleniya/?special_version=Y (дата обращения: 2 сентября 2022).

Новый день (2020) *«Мечта? Пока да, но мы к ней движемся»*. Министр соцполитики рассказал, когда жители будут получать выплаты без справок. Доступно по ссылке: <https://newdaynews.ru/national-project-demography/interview-with-minister> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Официальный портал Правительства Ростовской области (2020) *Помощь семье. Как поддерживают многодетных родителей в Ростовской области*. Доступно по ссылке: <https://www.donland.ru/head-interview/109/> (дата обращения: 2 сентября 2022).

Совет Федерации (2022) *А. Котьяков рассказал сенаторам о новых подходах к реализации мер социальной поддержки населения*. Доступно по ссылке: <http://council.gov.ru/events/news/136530/> (дата обращения: 2 сентября 2022).

ТАСС (2021) *Антон Котьяков: программу по содействию молодежной занятости представим в кратчайшие сроки*. Доступно по ссылке: https://tass.ru/interviews/11574885?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 2 сентября 2022).

Список источников

Архипова Е. Б., Старшинова А. В. (2021) От проблемы к решению: риторика дискурса социальных предпринимателей. *Журнал исследований социальной политики*, 19 (1): 41–54.

Бабинцев В. П., Пшеничная Н. Н. (2021) Некоммерческие организации в восприятии белгородцев: реалии и заблуждения. *Общество: социология, психология, педагогика*, 8 (88): 15–21.

Григорьева И. А., Сизова И. Л., Москвина А. Ю. (2019) Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (4): 125–144.

Ирхин Ю. В. (2014) Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование. *Социально-гуманитарные знания*, (4): 128–143.

Майборода А., Саблина А., Ясавеев И. (2021) Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России. *Социологическое обозрение*, 20 (3): 71–97.

Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. (2017) Влияние доверия на участие россиян в благотворительности. *Мониторинг общественного мнения*, (2): 145–159.

Михеев В. А. (2017) Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия. *Власть*, (5): 162–167.

Руднева Е. (2021) Дискурс российских СМИ о психоневрологических интернатах. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 13 (2): 240–266.

Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В., Гнедаш А. А. (2020) От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях Рунета (практики сетевых сообществ). *Южнороссийский журнал социальных наук*, 21 (3): 20–36.

- Старшинова А. В., Архипова Е. Б., Бородкина О. И. (2022) Паттерны взаимодействия российских граждан с НКО в условиях институциональных изменений третьего сектора. *Журнал институциональных исследований*, 14 (4): 42–55.
- Шмидт В. (2016) «Спасем наших детей»: к проблеме дискурса кампаний в пользу реформы общественного воспитания детей с инвалидностью в России. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, (12): 5–20.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Бодрова О. А. (2021) Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24 (1): 45–78.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Присяжнюк Д. И., Вербилович О. Е. (2015) Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18 (4): 157–173.
- Ясавеев И. Г. (2016а) Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков. *Журнал исследований социальной политики*, 14 (1): 7–22.
- Ясавеев И. (2016b) Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи. *Социологическое обозрение*, 15 (3): 49–67.
- Ясавеев И. Г. (2019) ВИЧ/СПИД в России: властная и активистская конструкции социальной проблемы. *Социологическое обозрение*, 18 (3): 49–76.
- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London and New York: Longman.
- Harris Z. (1952) Discourse Analysis. *Language*, 28 (1): 1–30.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso.
- Potter J. W., Wetherell M. (1987) *Discourse and Social Psychology*. London: Sage Publications.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) *Constructing Social Problems*. Menlo Park, Calif.: Cummings.
- Van Dijk T. (1984) *Prejudice in Discourse. Cognitive and Conversational Strategies in the Expression of Ethnic Prejudice*. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins Co.
- Van Dijk T. (2003a) *Racism, Elites and Conversation*. Amsterdam: University of Amsterdam.
- Van Dijk T. (2003b) Specialized Discourse and Knowledge, a Case Study of the Discourse of Modern Genetics. *Cadernos de Estudos Linguisticos*, (44): 21–56.
- Van Dijk T. (2006a) Discourse, Context and Cognition. *Discourse Studies*, 8 (1): 159–177.
- Van Dijk T. (2006b) Ideology and Discourse Analysis. *Journal of Political Ideologies*, 11 (2): 115–140.
- Van Dijk T. A., Kintsch W. (1983) *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.

**DISCURSIVE STRATEGIES OF POWER AND NGOS:
MANIPULATING SUCCESS AND ACHIEVEMENTS**

This article presents the results of a discourse analysis of the governmental and public rhetoric accompanying the modern transformation processes of the welfare state. Recent studies show a lack of awareness among citizens and a continuing distrust of key actors in social policy, especially non-state providers of social services. Our focus is on official speeches and interviews with the representatives of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, the President, the Government, regional ministries, and leaders of NGOs. The empirical base of the study was 65 media sources (transcripts of speeches and journalistic articles). Based on the ideas of critical discourse analysis, namely the concept of T. Van Dijk, the emphasis was made on how state structures shape the discourse of power, what manipulation tools are used to maintain a dominant position, and how the nonprofit sector defends its right to actively participate in the implementation of social policy. Based on the results of the study, it was concluded that the main discursive strategy of the authorities and NGOs is the strategy of self-presentation, the purpose of which is to create a positive image in a situation where it is necessary to justify public expectations. The results showed that the information field around the processes of transforming the welfare state on both sides is characterized by a desire for manipulation, excessive demonstration of success, and not by the intent to comprehensively analyze the situation in the field of social services from the point of view of the criteria of objectivity, impartiality, authority and truthfulness. The existing rhetorical context, both on the part of the authorities and NGOs, does not fully contribute to the formation of institutional trust in various state and public structures responsible for solving the social problems of Russian society, and requires significant adjustment.

Keywords: social services, governance, NGOs, discursive strategies, manipulation

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-3-399-414

Acknowledgments

This article was carried out with support of the Russian Science Foundation (RSF) according to the project № 19–18–00246-P 'Challenges of the transformation of the Welfare State in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services,' implemented at Saint Petersburg University.

References

- Arkhipova E. B., Starshinova A. V. (2021) Ot problemy k resheniyu: ritorika diskursa sotsial'nykh predprinimateley [From Problem to Solution: The Rhetoric of the Discourse of Social Entrepreneurs]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19 (1): 41–54.
- Babintsev V. P., Pshenichnaya N. N. (2021) Nekommercheskie organizatsii v vospriyatii belgorodtsev: realii i zabluzhdeniya [Non-Profit Organizations in the Perception of Belgorod Residents: Realities and Delusions]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 8 (88): 15–21.
- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London and New York: Longman.
- Grigoryeva I. A., Sizova I. L., Moskvina A. Yu. (2019) Sotsial'noe obsluzhivanie pozhilykh: realizatsiya Federal'nogo zakona № 442 i dal'neyshie perspektivy [Social Services for the Elderly: Implementation of the Federal Law No. 442 and Future Prospects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], (4): 153–172.
- Harris Z. (1952) Discourse Analysis. *Language*, 28 (1): 1–30.
- Irkhin Yu.V. (2014) Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse Analysis: Essence, Approaches, Methodology, Design]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge] (4): 128–143.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso.
- Mayboroda A., Sablina A., Yasaveev I. (2021) Gosudarstvo dlya molodezhi ili molodezh' dlya gosudarstva: diskursy molodezhnoy politiki v stranakh Evrosoyuza i Rossii [The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 20 (3): 71–97.
- Mersyanova I. V., Korneeva I. E. (2017) Vliyanie doveriya na uchastie rossiyan v blagotvoritel'nosti [The Impact of Trust on Russians' Participation in Charities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], (2): 145–159.
- Miheev V. A. (2017) Vlast' i grazhdanskie instituty: k probleme doveriya i nedoveriya. [Government and Civil Institutions: The Problem of Trust and Distrust]. *Vlast'* [Government], (5): 162–167.
- Potter J. W., Wetherell M. (1987) *Discourse and Social Psychology*. London: Sage Publications.
- Rudneva E. (2021) Diskurs rossiyskikh SMI o psikhonevrologicheskikh internatakh [Russian Media Discourse about Psychoneurological Residential-care Institutions]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13 (2): 240–266.
- Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedash A. A. (2020) Ot 'kvazikritiki vlasti' k kursu 'souchastiya i razvitiya': obshchestvennaya povestka dnya v sotsial'nykh setyakh Runeta (praktiki setevykh soobshchestv) [From the 'Quasi Criticism of Authority' to the Discourse 'Participation and Development': A Public Agenda on the Runet Social Networks (Case Studies of Network Community Practices)]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], (5): 162–167.

- Shmidt V. (2016) 'Spasem nashikh detey': k probleme diskursa kampaniy v pol'zu reformy obshchestvennogo vospitaniya detey s invalidnost'yu v Rossii ['Rescue Our Children': The Discourses of Campaigns in Favor to Reform Residential Care for Disabled Children in Russia]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], (12): 5–20.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) *Constructing Social Problems*. Menlo Park, Calif.: Cummings.
- Starshinova A. V., Arkhipova E. B., Borodkina O. I. (2022) Patterny vzaimodeystviya rossiyskikh grazhdan s NKO v usloviyakh institutsional'nykh izmeneniy tret'ego sektora [The Patterns of Interaction between Russian citizens and NGOs in the Context of Institutional Change]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 14 (4): 42–55.
- Van Dijk T. (1984) *Prejudice in Discourse. Cognitive and Conversational Strategies in the Expression of Ethnic Prejudice*. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins Co.
- Van Dijk T. (2003b) Specialized Discourse and Knowledge, a Case Study of the Discourse of Modern Genetics. *Cadernos de Estudos Linguistics*, (44): 21–56.
- Van Dijk T. (2006a) Discourse, Context and Cognition. *Discourse Studies*, 8 (1): 159–177.
- Van Dijk T. (2006b) Ideology and Discourse Analysis. *Journal of Political Ideologies*, 11 (2): 115–140.
- Van Dijk T. A., Kintsch W. (1983) *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
- Van Dijk T. (2003a) *Racism, Elites and Conversation*. Amsterdam: University of Amsterdam.
- Yarskaia-Smirnova E., Bodrova O. (2021) Modeli legitimatsii nekommercheskikh organizatsiy kak postavshchikov sotsial'nykh uslug [Models of Legitimation of Non-Profit Organizations as Social Service Providers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24 (1): 45–78.
- Yarskaya-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D. I., Verbilovich O. E. (2015) Priemnaya sem'ya v Rossii: publichnyy diskurs i mneniya klyuchevykh aktorov [Foster Family in Russia: Public Discourse and Opinions of Key Actors]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18 (4): 157–173.
- Yasaveev I. (2016) Leytmotivy vlastnoy ritoriki v otnoshenii rossiyskoy molodezhi [Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 15 (3): 49–67.
- Yasaveev I. G. (2016a) Ritorika kontroliruemogo bedstviya: spetsifika konstruirovaniya FSKN problemy potrebleniya narkotikov [Controlled Disaster Rhetoric: The Specificity of the Construction of the FSK Drug Use Problem]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14 (1): 7–22.
- Yasaveev I. (2019) VICH/SPID v Rossii: vlastnaya i aktivistskaya konstruksii sotsial'noy problem [HIV/AIDS in Russia: the Imperious and Activist Constructs of the Social Problem]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 18 (3): 49–76.